

Уэлш неизменно доказывает, что литература — лучший наркотик.

Spin

«Эйсид-хаус» — это очередное, по заветам Рембо, «лето в аду», и до чего ж оно бодрит! Только вы убедили себя, будто понимаете, в какую историю влипли и к чему клонит автор, как он вышибает землю у вас из-под ног.

New Scotsman

Уэлш — редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты — хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся — спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! — такая вот ироническая беллетристика.

*Лев Данилкин
(Афиша)*

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной

нормы. Язык у Уэлша порой важнее содержания текста. Следует отметить, что сам Уэлш весьма далек от воспе-
вания того, что описывает; даже при передаче речи сво-
их персонажей он все время сохраняет ироническую ди-
станцию. Герои Уэлша (по крайней мере те, которых он
любит) страстно ищут выхода за пределы своего универ-
сума. А когда его находят, оказывается, что нужная дверь
возвращает тебя в ту точку, откуда ты начинал.

Илья Кормильцев
(Иностранная литература)

Ирвин Уэлш — ключевая фигура английской «антили-
тературы». Проза Уэлша — один из тех редких случаев
в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направле-
нии, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на
прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма,
прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш
как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональ-
ное, а не на интеллектуальное восприятие. Место дейст-
вия здесь — неуютное пространство между смертью от
передозировки, этическим экстремизмом и измененны-
ми состояниями сознания. Персонажи говорят на аутен-
тичном эдинбургском диалекте с обильной примесью
мата и экзотического сленга. Естественная интонация
не оставляет места никаким литературным условностям.
В сумме все это производит впечатление стилистиче-
ского открытия.

Gazeta.ru

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются
гениальности. Уэлш — лучшее, что произошло в британ-
ской литературе за последнее десятилетие.

Sunday Times

Ирвин Уэлш — неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

Читать Уэлша — все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Уэлш наводняет мировой эфир восхитительной какофонией голосов — печальных и смехотворных, агрессивных и раскаивающихся...

Scotland on Sunday

Слух Уэлша наточен до невероятной остроты: автор «Эйсид-хауса» различает тончайшие оттенки характера и происхождения, заморожен бесконечными оттенками смысла, не стесняется демонстрировать фонетическое и идиоматическое богатство родного диалекта. В данном сборнике он смело экспериментирует со стилем и формой и не сдерживает полета фантазии, налицо полиграфические ухищрения и сюрреалистические эпизоды. Это уже не просто смесь этнографического очерка с вольной автобиографией, а нечто гораздо большее.

Independent

Интересным образом выстроен сам сборник «Эйсид-хаус». Если 21 рассказ повествует о судьбах, попавших на дно, то последняя новелла как бы отвечает на вопрос, как и почему они там оказались. На завершающих аккордах автор будто позволяет заглянуть в самое сердце опустившегося до такой жизни человека, и поневоле начинаешь видеть его без всей этой наркоманской шелухи. Он стоит перед тобой с обнаженной душой и смотрит на

тебя детскими глазами. И тогда дыхание перехватывает от такой откровенной правды, на какую ты совсем не рассчитывал.

LiveLib.ru

Большинство литературных кумиров поддерживают свою репутацию тем, что не обманывают читательских ожиданий и рассказывают о том, что нам и так хорошо известно. Уэлш же в «Эйсид-хаусе» не боится окунуть нас в совершенно незнакомую нам среду — и выходит победителем. Эти истории — как правило, довольно трагичные — написаны с такой невероятной энергией, с таким безжалостным юмором и с такой бездной сочувствия, изложены таким новаторским языком, выстроены настолько революционно, что и самый искушенный читатель не избежит потрясения.

Джонатан Коу

Самое прекрасное во вдохновении — то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэлш

*Моим родителям,
Питу и Джин Уэли,
за всю их любовь и поддержку*

Благодарности

Некоторые рассказы этого сборника предварительно публиковались в следующих журналах и антологиях: «Ерунда» — в *Rebel Inc*, «Там, где разбиваются мечты» — в «Pig Squealing, New Writing Scotland No. 10» («Свинячий визг. Новая шотландская литература, выпуск 10»), «Спорт для всех» — в «The Ghost of Liberace, New Writing Scotland No. 11» («Призрак Либераче. Новая шотландская литература, выпуск 11»), «Квартет сексуальной катастрофы» — в антологии «Folk» («Народ») издательства *Clocktower Press*.

Большое спасибо вам, редакторы: Дженис Гэллоуэй, Э. Л. Кеннеди, Дункан Маклин, Хэмиш Уайт и Кевин Уильямсон.

Также хотелось бы поблагодарить следующих людей, которые щедро делились идеями, вдохновляли меня на подвиг и жестоко критиковали с переходом на личности. Их влияние на этот сборник неоценимо:

Лесли Брайс, Гэри Данн, Дебби Донован, Макс Дэвис, Дейви Инглис, Джимми Истон, Марк Кеннеди, Стэн Килтыка, Колин Кэмпбелл, Джим Кэррол, Майлз Литч, Уилли Макдермотт, Джон Маккартни, Хелен Маккартни, Джеймс Макмиллан, Кенни Макмиллан, Сэнди Макнэр, Эндрю Миллер, Стюарт Расселл, Робин Робертсон, Анжела Салливан, Рози Сейвин, Сьюзен Смит, Дейв Тодд,

Кевин Уильямсон (снова), Джеймс Фергюсон, Тарн Фергюсон, Аделина Финлей, Мина Фрай, Дженет Хэй, Бобби Шиптон, Джордж Шиптон, Джон Ширер и Колин Ширер.

Особая благодарность Полу Рики, брату по духу в новых салонах экстрасенсорного бунта, за то, что разрешил использовать его стихотворение.

Наиособейшая благодарность Энн — за все.

Рейвимся, братаны.

Когда приходит пора для Цезарского гриба
Это противоположность грибного сезона
Ибо Цезарский гриб появляется в марте
А грибной сезон наступает в сентябре
Шестью месяцами раньше
На полгода
Равноденственно
Осеннее равно весеннему

Надеешься ли ты на большее,
Чем на лучшее равновесие
Между страхом и желанием
И только заблудший
Кто найдет путь прямой
Ни в лесу, ни в поле
Не будет мантий, подобных Цезарским, пурпуром
отделанным

Скорее целая улица, отделанная пурпуром
И на ней каждая дверь
Завернута будет в разную оберточную бумагу

Сентябрьские грибы полуночи
Показывают ритмы виденья
Двигаться мимо нельзя, не спотыкаясь об них
Стирай свои ленты
Стирай молнией свои ленты.

Пол Рики.

«Когда приходит пора для Цезарского гриба...»

РАССКАЗЫ

СТВОЛ

— Отличное рагу, Мардж, — заметил я, лихорадочно сглотнув, и снова набил рот; овощи и вправду удались.

— Рада, что тебе понравилось. — Она протерла очки, и ее лицо расплылось в снисходительной улыбке; Мардж, вне всяких сомнений, красивая женщина.

Мне очень понравилось, а вот Лиза размазала еду по всей тарелке и презрительно поджала нижнюю губу.

— Неужели тебе невкусно, Лиза? — поддразнила ее Мардж.

Ребенок ничего не сказал, только качнул головой, не меняя выражения.

Глаза Гэри вспыхнули. Маленькая Лиза приклеилась взглядом к тарелке.

— О! Да ты, черт возьми, должна уминать за обе щеки, девочка! — свирепо рявкнул он.

Лизу от его слов перекосило, как от пощечины.

— Да ладно тебе, Гэри. Не хочет есть, и не надо, — примирительно рассудила Мардж.

Гэри перевел взгляд на жену. Воспользовавшись паузой, Лиза выскользнула из-за стола и ушла в свою комнату.

— Куда, как ты думаешь... — начал Гэри.

— Ох, оставь ее в покое, — фыркнула Мардж.

Гэри, вспыхнув, замахал вилкой как бешеный:

— Я говорю одно, ты другое. И не стоит, блядь, удивляться, что меня не уважают в моем собственном чертовом доме!

Мардж робко пожала плечами. У Гэри был крутой нрав, и он действительно взвинчен с тех пор, как вышел из тюрьмы. Он повернулся ко мне, требуя понимания.

— Видишь, как оно, Джок? Каждый раз, твою мать! Обращаются со мной так, словно я невидимка хренов! В моем, блядь, собственном доме. Мой собственный ребенок, мать его так! Моя собственная жена, черт возьми. Господи боже, — простонал он, насмешливо указывая на Мардж.

— Не бери в голову, Гэл, — сказал я. — Мардж устроила нам натуральный пир. Все просто объединение, Мардж. Это не беда Лизы, что ей не понравилось, но ты же знаешь — дети... У нас разные вкусы, пусть цветут все цветы.

Мардж одобрительно улыбнулась. Гэри же пожал плечами и, нахмурившись, уставился в про-

странство. Мы доели обед, прерывая жарчку сдержанными ритуальными беседами; прикинули шансы «Арсенала» на чемпионство в следующем сезоне, обсудили сравнительные достоинства нового продуктового «Ко-оп» в далстонском торговом центре и привычного «Сейнсбери» через дорогу, установили возможное происхождение и сексуальную ориентацию нового управляющего в «Мерфис» и бесстрастно взвесили все «за» и «против» открытия местной железнодорожной станции Лондон-Филдс, закрытой много лет тому назад после пожара.

Наконец Гэри отодвинулся от стола и рыгнул, затем потянулся и встал.

— Отличная хавка, девочка, — сказал он успокаивающе. И повернулся ко мне: — Ты сыт?

— Да, — ответил я, поднимаясь.

Гэри уловил немой вопрос на ироническом лице Мардж.

— Мы с Джоком должны поговорить немного о делах, вот так.

Мардж вся напряглась и озлобилась:

— Ты же не собираешься воровать снова, а?

— Я же сказал тебе, что не собираюсь, говорил же! — агрессивно парировал Гэри.

Воинственно прищурившись и скривив рот, она встретила его взгляд:

— Ты обещал мне! ТЫ, МАТЬ ТВОЮ, ОБЕЩАЛ! И все те долбаные вещи, о которых ты говорил...

— Я не ворую! Джок! — воззвал он ко мне.

Мардж устремила на меня свои большие просящие глаза. О чем она меня молила — чтобы я сказал

ей правду или то, что она хотела услышать? Гэри обещал. Неоднократно обещал, неоднократно нарушал обещание. Независимо от того, что я скажу ей на этот счет, она снова будет обманута — Гэри или каким-нибудь другим чуваком. Для некоторых людей неизбежны определенные виды разочарований.

— Теперь это железно. На все сто, — улыбнулся я.

Моя бредятинa была достаточно убедительна, чтобы вернуть доверие к Гэри. Напустив на себя вид оскорбленной невинности, он выдал:

— Вот. Ты, девочка, получила достоверную информацию из самых что ни на есть первых уст.

Гэри пошел наверх взять бабки. Наконец Мардж печально покачала головой:

— Он беспокоит меня, Джок. Раньше он не был такой взвинченный и грубый.

— Он волнуется за тебя и за ребенка, Мардж. Это Гэл; его постоянно терзают какие-то опасения. Это в его природе.

Нас всех терзают какие-то блядские опасения.

— Ты готов или что? — Гэри высунул голову из-за двери.

Мы отправились в «Тэннерс». Я сел в задней комнате, и Гэри последовал за мной с двумя пинтами. Он медленно, очень сосредоточенно поставил их на полированный стол. Глянул на пинты и мягко сказал, качая головой:

— Проблема не в Уитворте.

— Он, черт возьми, проблема для меня. Две, блядь, штуки стоят проблемы.

— Ты не сечешь мой базар, Джок. Не он проблема, так? Это ты, — его вытянутый палец решительно уперся в меня, — и я, — продолжил он, ткнув им себя в грудь. — Долбанные мудозвоны. Мы можем забыть об этих башнях, Джок.

— Какого хрена...

— Уитворт будет вешать нам лапшу на уши, дурачить, избегать нас, пока мы просто не заткнемся в тряпочку, как два хороших маленьких мальчика, — язвительно улыбнулся он. Голос его звучал холодно, веско, неумолимо. — Он не воспринимает нас серьезно, Джок.

— Так что ты предлагаешь, Гэл?

— Либо мы забудем об этом, либо заставим его воспринимать нас серьезно.

Я прокрутил его слова в моей голове как пластинку, проверяя и перепроверяя их в поисках скрытого смысла — скрытого смысла в реальности, который я немедленно признал.

— Так что же будем делать?

Гэри глубоко вздохнул. Странно, что он теперь такой спокойный и обстоятельный, если сравнить с его раздраженным состоянием за обедом.

— Мы заставим ублюдка воспринимать нас серьезно. Преподадим ему урок, нахуй. Научим его проявлять немного уважения, вот что.

Свой план Гэри изложил предельно ясно. Мы вооружимся и заявимся к Уитворту в его хаггерстонскую квартиру. Затем выйдем из него все дерьмо, какое только возможно, прямо на пороге и назначим последний срок для выплаты денег — наших денег.

Я обдумал данную стратегию. Разумеется, не было никакого шанса разрешить это дело легально. Моральное и эмоциональное давление, как показала практика, результатов не дало никаких, и — тут Гэри был прав — мы выглядели полными обсосами в глазах правильных парней. Да, это были наши деньги, и мы предоставили Уитворту массу возможностей заплатить. Но я стремался. Еще чуть-чуть — и хренов ящик Пандоры откроется, и я перестану контролировать что бы то ни было. Мне ярко представилась тюрьма Скрабс¹, или того хуже, прогулка по дну Темзы в бетонных тапках, или еще какая вариация этого клише, обозначающая в реальности один и тот же конкретный пиздец. Уитворт сам не представлял никакой проблемы, он был весь как на ладони; напыщенный, болтливый, но отнюдь не человек насилия. Вопрос в другом: насколько хорошие у него завязки. Что ж, скоро выясним. Придется мне смириться с этим. Иначе мне не выиграть. Если я не пойду до конца, Гэри будет меня презирать, а мне он нужен больше, чем я ему. И что важнее, кто-то закрывает мои деньги и я останусь на мели, грызя себя поездом оттого, что капитулировал так бездарно.

— Давай разберемся с этим мутилой, — сказал я.

— Так-то, мой друг. — Гэри похлопал меня по спине. — Всегда знал, что у тебя есть порох в пороховницах, Джок. Вы, долбанутые шотландцы, все

¹ Уормвуд-Скрабс — мужская тюрьма в одноименном районе западного Лондона (округ Хаммерсмит и Фулем).

сумасшедшие, вашу мать! Мы покажем этой паску-де Уитворту, кого он, сямка, кинуть решил.

— Когда? — спросил я, чувствуя вместе со смесью восхищения и тревоги подкатывающую к горлу тошноту.

Гэри пожал плечами и поднял брови:

— Время не терпит.

— Что, прямо сейчас? — Я изумленно вытаращился: мне совсем не улыбалось устраивать разборки среди бела дня.

— Сегодня вечером. Я заеду за тобой в восемь.

— В восемь, — слабо поддакнул я.

Я чувствовал сильные вибрации беспокойства из-за откровенно нестабильного поведения Гэри.

— Послушай, Гэл, а между тобой и Тони Уитвортом точно нет ничего, кроме денег?

— Денег вполне достаточно при моих обстоятельствах, Джок. Больше, чем достаточно, чувак, — сказал он, опорожняая свою пинту и поднимаясь. — Я домой. Тебе тоже пора. И не стоит слишком уж налегать на «Джонатана Росса». — Он указал на мою кружку. — Нам надо сделать работу.

Он решительно закосолапил к выходу, остановившись, только чтобы махнуть старому Джерри О'Хану у стойки.

Я ушел вскоре вслед за ним, и вправду решив притормозить с выпивкой. Отправился в далстонский спортцентр и купил бейсбольную битку. Сначала я подумывал, не взять ли и лыжную маску, но решил совсем уж не палиться, так что пошел в «Армию и флот» и разжился вязаной балаклавой.

Дома на меня напал ступор, даже смотреть на покупки сил моих не было. Затем я все-таки поднял биту и принялся рассекать ею воздух. Стащил матрас со своей кровати и прислонил его к стене. Я долбанул по нему битой, проверяя замах, стойку и равновесие. Стрем прямо-таки хлестал из меня, когда я молотил что есть мочи, бросался вперед и рычал, как маньяк.

До возвращения Гэри оставалось не так уж много времени. Наступило восемь, и я было подумал, что здравый смысл возобладал и Гэри спустил разборку на тормозах, — может, Мардж что-то просекла и вмешалась. В 8:11 — по электронным часам на радио — из-за окна донесся резкий автомобильный гудок. Я даже не стал выглядывать. Просто взял баллаклаву и биту и спустился на улицу. Биту я сжимал вяло и безжизненно.

Я забрался на пассажирское сиденье.

— Вижу, ты приготовился, — улыбнулся Гэри.

Даже после того, как он заговорил, его лицо оставалось замороженным в этой странной улыбке и напоминало причудливую маску на Хеллоуин.

— Что ты взял? — Я боялся, что он покажет нож.

Мое сердце буквально остановилось, когда изпод сиденья он вытащил обрез.

— Не пойдет, приятель. Нихуя не пойдет.

Я рванулся вон из машины, но он схватил меня за руку:

— Расслабься! Он же ни хера не заряжен, не понял, что ли? Да едрить твою, Джок, ты же меня зна-

ешь. Мокруха не по моей части и никогда не была. Окстись, дружище.

— Говоришь, ружье не заряжено?

— Какое там, в пизду, заряжено, чувак! Ты что, думаешь, я, блядь, полоумный? Делаем, как я сказал, и все пройдет тихо-мирно. Без шума и пыли, ни волоска с головы и тэ дэ. Сосед по камере говорил мне: люди меняются, когда наставляешь на них ствол. Вот как я это вижу: мы хотим наши деньги. Увечить этого мудака нам нахуй не всралось, мы просто хотим получить долг. А то начнешь махать битой и за просто сделаешь из него отбивную. Тогда плакали наши денежки, да еще загремим в чертов Скрабс. А так запугаем его до усрачки, сунем под нос эту штуковину, — он размахивал стволом, который теперь казался жалкой игрушкой, — и Уитворт выкладывает нам купюры.

Я был вынужден согласиться: по логике Гэри все выглядело гораздо проще. Напугать Уитворта было предпочтительней, чем уделать его в говно. Закуси мы этого козла, и он, возможно, тут же соберет кодлу для мести. А если напугать его этим стволом, он поймет, что с нами не стоит качать права. Мы знали, что обрез не заряжен, а Уитворт нет. Ну и хули ему рыпаться?

Квартира Уитворта находилась на первом этаже типового для шестидесятых домика с отдельным выходом в небольшом муниципальном округе рядом с Куинсбридж-роуд. Было уже темно, хотя и не так, чтобы глаз выколи, когда мы припарковали ма-

шину в нескольких ярдах от парадного. Я колебался, надевать ли балаклаву, и решил не надевать. У Гэри не было маски, и к тому же мы хотели, чтобы Тони Уитворт видел, кто наставляет на него обрез. Вместо этого я спрятал битку под моим длинным пальто, когда мы вышли из машины.

— Жми этот долбаный звонок, — приказал Гэри. Я надавил кнопку.

В прихожей включился свет, просачиваясь сквозь щель над дверью. Гэри сунул руку под куртку. Дверь открылась, перед нами с настороженным видом стоял мальчик лет восьми в футболке «Арсенала».

— Тони дома? — спросил Гэри.

Я не рассчитывал на это. Я превратил Уитворта в мультипликационный персонаж, стереотипного болтливого сутенера-спекулянта, задавшись целью оправдать то, что мы собирались с ним сделать. Я никогда не представлял его как реальную личность, с детьми, с людьми, зависевшими от него и возможно даже любившими его. Я пытался дать знак Гэри, что время и место безмазовое, но маленький мальчик убрался назад в дом, и почти одновременно в дверях появился Уитворт. На нем была белая майка и джинсы, лицо расплылось в лучезарной улыбке.

— Парни, — широко осклабился он, — рад вас видеть! У меня есть для вас кое-что, если... — Он запнулся на середине предложения, побледнев как полотно, и его глаза расширились. Часть его физиономии, казалось, сморщилась, словно его хватил удар.

Гэри выхватил ствол и наставил прямо на него.

— О нет, пожалуйста, о боже, у меня есть то, что тебе нужно, Гэл, это то, что я пытался сказать... Джок...

— Гэл, — начал я, но он не обращал внимания.

— У нас тоже есть, что тебе нужно, мудака! — крикнул он Уитворту и спустил курок.

Раздался оглушающий грохот, и Уитворт, казалось, исчез в доме. На мгновение это выглядело как театральная иллюзия, словно его никогда вообще и не было. Я успел подумать, что Гэл и Тони Уитворт решили меня разыграть. Я даже засмеялся. Потом глянул в прихожую и увидел там лежащее, содрогающееся в конвульсиях тело Уитворта. То, что когда-то было его лицом, теперь стало смятой, сдавленной массой крови и серого вещества.

После я ничего не помнил, пока не пришел в себя в машине. Мы ехали по Боллс-Понд-роуд. Затем припоминаю, что мы вышли, пересели в другую тачку и направились обратно к Стоук-Ньюингтону. Гэри начал смеяться и говорил без умолку, словно закинулся спидом.

— Ты видел долбаную голову этого козла?

Я чувствовал себя так, будто вмазался героином.

— Видел, да? — переспросил он, затем схватил мое запястье. — Джок, мне, блядь, в натуре жаль, дружище, что втравил тебя. Я не мог, просто не мог в одиночку. А я должен был сделать это, Джок, должен был избавиться от этого мудака. Когда я сидел в Скрабс, то, понимаешь, слышал о нем все. Он вечно крутился у нашего дома, охаживал Мардж, све-

тил, нахер, своими чертовыми бабками. Мардж раскололась, Джок, рассказала мне всю эту поеботину. Конечно, я не виню ее, Джок, не в этом дело, это была моя ошибка, что меня повязали. Я должен был находиться с ней рядом; если у женщины ни гроша в кармане, а мужик ее загремел на нары, конечно, ее соблазнит какой-нибудь задроченный хуй, крутящийся вокруг с лавэ. И этот мудила доставал маленькую Лизу, Джок. Заставлял ее садиться ему на колени, сечешь, о чем я, да? На моем месте, Джок, ты сделал бы то же самое, только не возражай мне, твою мать, пиздеть вот не надо; если бы это был твой чертов ребенок, ты бы сделал то же самое. Ты и я, мы одно целое, Джок, мы присматриваем друг за другом, глядим за своими. Я сделаю для тебя эти бабки, как только, так сразу, Джок. Клянусь, приятель, я разберусь со всем этим, бля буду. Я не смог бы поступить по-другому, Джок, это просто мучило, гноилось внутри меня. Я пытался не обращать на это внимания. Вот почему я хотел работать с Уитвортом, понять, как эта скотина тикает, найти способ поквитаться. Я думал о том, чтобы изуродовать одного из его детей, ну, око за око и вся эта чертова поебень. Но я не смог бы сделать ничего подобного, Джок, не смог бы поступить так с ребенком, чем я тогда лучше этого ублюдочного зверя, этой ничтожной паскуды...

— Да уж...

— Извини, что втянул тебя в эту разборку, Джок, но стоило тебе прослышать, что мы там с Уитвортом хотим замутить, тебе тоже приспичило вписать-

ся. Как репей пристал, право слово. Хочу, мол, тоже поучаствовать, мы же друзья и все такое. Прилепился, как чертова тень, ага. Я пытался сделать так, чтобы ты уловил эти вибрации херовы, но до тебя не доходило: давай, мол, вместе замутим, и все тут, — мы же друзья, Джок, партнеры.

Мы приехали ко мне домой. Моя пустынная квартира, приняв двух людей, казалась еще пустынее. Я сел на кровать, Гэри сел в кресло напротив. Я включил радио. Она забрала свое барахло и смотралась несколько месяцев тому назад, но здесь по-прежнему оставались следы ее присутствия; перчатка, шарф, постер, присобаченный ею к стене, эти русские куклы из Ковент-Гардена. Стоило мне перенервничать, и значение этих предметов казалось преувеличенным, угрожающим. Сейчас они выглядели всеподавляющими. Гэри и я сидели, пили неразбавленную водку и ждали новостей.

Вскоре Гэри поднялся и пошел отлить. Вернулся он с обрезом. Он снова сел обратно в кресло напротив меня. Его пальцы выстукивали марш по узкому стволу. Когда он заговорил, его голос казался странным, отстраненным и бесплотным.

— Ты видел его лицо, Джок?

— Это, блядь, не смешно, Гэл, ты, мудило тупой! — прошипел я, и гнев наконец прорвался сквозь мой одуряющий страх.

— Да, но его лицо, Джок. Это чертово льстивое гнусное лицо. Джок, люди и вправду меняются, когда наставляешь на них ствол.

Он глядел прямо мне в глаза. Теперь обрез был направлен на меня.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Ствол	17
Евротреш	31
Стоук-Ньюингтон-блюз	64
Чан-96	81
Рохля	87
Последний отдых на Адриатике	99
Квартет сексуальной катастрофы	110
Хороший сын	110
Как сошлись жестокая стерва и эгоистичный ублюдок	111
Много смеха и секса	113
Роберт К. Лейд: сексуальная история	114
Видеосмерть	115
Засор в системе	132
Уэйн Фостер	140

Содержание

Там, где разбиваются мечты	148
Бабушкин старый добрый джанк	157
Дом Глухого Джона	166
Встреча в холле	172
Мама Лайзы встречает королеву-мать	176
Два философа	180
Ерунда	195
Общее дело «Грэнтон стар»	199
Белка по имени Рико помогает лепить снеговика	224
Спорт для всех	236
Эйсид-хаус	246

Хитрожопый. Повесть

1. Парковая служба	279
2. Днем у телевизора	293
3. Дружки как опиаты	299
4. Дисциплинарная разборка	310
5. Спидометр зашкаливает	314
6. Рождество со Слепаком	323
7. Транки и отсос	330
8. Паранойя	345
9. Пластическая хирургия	355
10. Молодые педики	364
11. Любовь и ебля	371
12. Карьерные возможности и кунилингус	391
13. Свадьба	407
14. Собеседование	428
15. Моча	432